

Николай Караченцов:

У меня все обстукано по дорожке на сцену

Караченцов — человек на редкость обязательный и пунктуальный. И в то же время — неуловимый. Вот он прилетел из Магадана — и сразу на репетицию в театр. Потом — в танцевальный зал, готовиться к концертам. Потом — спектакль, а ночью — на поезд. Отсюда порывистая, несколько резкая манера общения. Он так быстро говорит и двигается, что рядом с ним чувствуешь себя черепашкой.

Сейчас работаю на покрытие долгов

— Николай Петрович, у вас такой озабоченный вид, что даже как-то неудобно начинать обстоятельный разговор. Кажется, что вы сейчас снова куда-то умчитесь...

— Да нет, ерунда. Начинать. Это все суета и усталость. А душа и сердце у меня всегда заняты только обстоятельными вещами. До недавних пор это, например, был «Город миллионеров» («Филумена Мартурано»). Марк Анатольевич Захаров восстановил спектакль, который был в простое (из-за болезни Армена Джигарханяна, исполнявшего главную мужскую роль. — Прим. ред.). У меня, как у нового человека в этой постановке, были ужасно сжатые сроки. Большущее спасибо всем партнерам, прежде всего Инне Михайловне Чуриковой, которая при своей сумасшедшей занятости могла сказать: «Коля, давай еще на час останемся, порепетируем вдвоем». Или: «Завтра репетиция в пять часов, а мы с тобой давай придем в три».

— Да, но сейчас спектакль на ходу, можно было бы и отдохнуть...

— Куда там. Я каждый месяц как минимум раз десять выхожу на сцену Ленкома. Потом — съемки в кино и на телевидении. Снял у Александра Муратова в картине с рабочим названием «Пишите письма». Возможно, скоро будет сниматься «Колхоз-интертеймент-2». И кроме того, 2—3 концерта в неделю: в Москве, в других городах и странах.

— А может быть, стоит уже, как многие, удариться в коммерцию и жить в свое удовольствие?

— Мне кажется, у меня нет этой жилки коммерческой и я лопухнусь при первом же случае. Вот, скажем, Ален Делон выпускает одеколон не потому, что не может свести концы с концами, а потому, что ему это интересно. И Жан Габен, царство ему небесное, всякие фермы разводил тоже потому, что это его хобби. У нас, конечно, все бывает наоборот, коммерция для актера — основная

статья дохода. Но мне лично хотелось бы, чтобы я зарабатывал деньги благодаря профессии.

— Наверно, потому и столько концертов даете...

— А что делать? Приходится. Сейчас у меня ремонт, нахватал всяких ссуд, кредитов и работаю на покрытие долгов.

Может, буду «Приму» рекламировать

— А как же реклама?

— Нет. Вы знаете, я из другого поколения. Ну, скажем, Качалов и реклама — несовместимы. В нас это довольно крепко влобили. Конечно, ориентироваться поменялись, все в стране изменилось, выяснилось, что весь мир этим занимается. Но с другой стороны, что-то я ни разу не видел Николсона или Хоффмана в рекламе... Но я никогда не брошу камня ни в одного актера, который этим занимается. Это его статья дохода. И более того, сегодня реклама очень изменилась качественно, бывает очень остроумной, по-настоящему актерской, ее приятно смотреть. Так что неизвестно, как завтра жизнь сложится. Может, и я буду «Приму» рекламировать (Караченцов курит эти простенькие сигареты. — Прим. ред.).

— Еще слово о концертах. Там вместе с вами выступают девушки из степ-группы «Шик». Особенно выделяется Марина Ширшикова, снимавшаяся с вами в «Колхоз-интертеймент», у нее даже несколько сольных номеров. Можно ли сказать, что вы «лоббируете» этих девочек?

— Конечно, можно. Марина — первая выпускница Школы искусств города Красноармейска, которую я поддерживаю. Она уже закончила ГИТИС, имеет диплом режиссера и актера эстрады. И я буду делать все, чтобы и остальные выпускники этой школы тоже пробились. Очень хочу, чтоб им повезло. Это уникальные ребята.

— Вы эту школу и материально поддерживаете?

— Это, наверно, громко сказано. Помочь можно по-разному. Например, десять детей едут в Ге-

ленджик. И за то, что Караченцов там дает бесплатный концерт, они имеют возможность отдохнуть и в то же время совершенствовать свое мастерство. Иногда что-то отчисляю от своих концертов, ищу спонсоров. Потом, в сложных условиях пытаюсь выбить землю, нужно порядка пяти гектаров, чтобы построить комплекс. Хочу, чтобы все талантливые дети из разных городов (не только из Красноармейска) могли обучаться в этой школе, чтобы там было качественное жилье, репетиционные, балетные классы, концертный зал. В общем, если это все получится, значит, я не зря жил.

дороге на сцену, а уж сколько раз через плечо плевал!

— И все же такое ваше суеверие должно быть на чем-то основано. Например, сфотографировались у своей машины. А потом ее у вас угнали...

— Именно так и было! У меня угнали «девятку». И я очень переживал. Мало того, что на полмашины деньги одалживал, так еще и двигатель был 1,6, что редкость для «девяток». Но самое противное — это ощущение, что над тобой поиздевались, а ты даже ответить не можешь. А в другой раз — наверно, кто-то сглазил — чуть было не сорвал гастроль в Киеве. У меня слу-

Шел полный прогон «Юноны и Авось», финал, я бегу. И вдруг! Такая резкая боль, хлопок, треск, крик «Эх!»

— Да, серьезный поход. А как вы относитесь к таким несерьезным вещам, как суеверия, приметы?

— Профессия актера очень зыбкая, шаткая, все зависит от настроения, от того, как собой руководишь, как держать себя в нужном режиме. Вот представьте себе: у меня температура, плохое настроение, я со всеми разругался — ну жить не хочется... А у меня спектакль. И я обязан его сыграть так, чтобы зритель ушел с ощущением, что он был на лучшем спектакле Караченцова. Я зарядил себе эту планочку и, хоть тресни, не могу ее опустить. Поэтому конечно же у меня есть ряд своих секретных приемов, как настроиться на работу. И не только у меня. Вот артист вошел в свою гримерку, вот он повесил на какой-то гвоздик свой халатик, вот он переоделся. Отработал, вернулся — все прошло хорошо. Отлично — дальше он будет вешать свой халатик только на этот гвоздик.

— А вы куда вешаете свой халатик?

— Не скажу. Это уже мои дела. Но у меня все обстукано по

чил разрыв икроножной мышцы, там, где она крепится к ахилловым сухожилиям. Слава Богу, на репетиции, а не на спектакле. Шел полный прогон «Юноны и Авось», финал, я бегу. И вдруг! Такая резкая боль, хлопок, треск, крик «Эх!» — и ступить на ногу уже не могу. Спасибо организаторам гастролей, согласились на перенос спектакля. С тех пор я очень боюсь получить травму и подвести людей. Вот, скажем, я как-то снимался в кино о горных лыжах. Костюм мне тогда горно-лыжный подарили. И с тех пор (а это давно уже было) костюм у меня самый лучший, на спине надписи такие красивые. Я тут на днях примерил — отличная вещь! Но на лыжах до сих пор так и не катаюсь. Боюсь, вдруг травма...

Теннисом увлекся задолго до Ельцина

— А на теннис подобный страх не распространяется?

— Нет. Тут я, как та самая дама, которая дорвалась и думает, что это уже в последний раз. Особенно когда нахожусь за пределами

Москвы. В столице-то всегда дело найдется. А так — в съемках полдня отработал и дальше свободен. Бегу на теннисный корт и там играю до упора. Но бывает и так, что целый месяц не получается взять ракетку в руки. Тогда для тонуса вожу с собой всякие эспандеры.

— Теннисом увлеклись, когда Борис Николаевич ввел моду?

— Нет. Гораздо раньше, когда он был совсем непопулярен. Я вырос в Шелькове Островского района Костромской области. Это бывшее имение Александра Николаевича Островского, которое позже стало домом отдыха Малого театра. Когда я туда впервые приехал лет в десять, то увидел людей, размахивающих странными лопатками. Моим первым тренером был удивительный человек и замечательный актер Пров Провович Садовский. С тех пор я очень люблю теннис, хотя профессионально им никогда не занимался. А серьезно я занимался прыжками в воду. В тринадцать лет был чемпионом центральной спортшколы СССР — прыгал по первому разряду.

— А почему перестали прыгать?

— Просто маму послали в командировку в Монголию, и она взяла меня с собой (там была советская школа при посольстве). А какие в Монголии могли быть прыжки в воду?.. Когда через два года вернулся, то уже поезд ушел... Но тогдашние мои занятия мне и сегодня помогают: я растянут, координирован. Тренировка по прыжкам в воду длилась три часа: в воде час и еще два часа акробатика, батут — замечательная гимнастика.

— Николай Петрович, на экране вы совершенно бесстрашный герой, а на сцене, оказывается, боитесь травмы. Еще чего-то боитесь?

— Боюсь только каких-то необратимых несчастий, тяжелой болезни близких людей. А все остальное — не так страшно. Когда-то у меня даже был девиз «Слюжим, прорвемся, победим». По нему и стараюсь жить.

■ Анжелика Юферева.